
Женщина в российском обществе. 2022. Специальный выпуск. С. 27—41.

Woman in Russian Society. 2022. Special issue. P. 27—41.

Научная статья

УДК 316.346.2-055.1

DOI: 10.21064/WinRS.2022.0.3

**САМООЩУЩЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ
САМОЧУВСТВИЕ МУЖЧИН В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВАХ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАНДАРТОВ МАСКУЛИННОСТИ**

Гарольд Игоревич Латинов¹, Марина Васильевна Беликова²

¹ Ленинградский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Столичный педагогический университет, г. Пекин, КНР, garold@bk.ru

² Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, beladm09@mail.ru

Аннотация. В российском и китайском обществах, которые в современных условиях переживают социальную и гендерную трансформацию, всё же сохраняются патриархатные установки и принципы организации социальной жизни. Некоторые перемены могут вызывать у мужчины глубокий внутренний конфликт (деформацию самооценки и самоценности), связанный с противоречием между ожиданием от них стереотипных проявлений маскулинного идеала, с одной стороны, и гендерной вариативностью, с другой. Реакции и результаты подобных переживаний весьма индивидуальны, однако можно проследить и общие тенденции: демонстрацию гипермаскулинности в качестве способа самоутверждения своего мужского начала, либо полное подчинение запросам и ожиданиям со стороны общества, либо формирование новых вариантов маскулинности на основе «андрогинного принципа» сочетания характеристик разных гендерных ролей. Авторы статьи, опираясь на научные, исторические, социологические источники, справочную литературу и фактологический материал, предпринимают попытку сделать выводы о том, как преобразуются в современном российском и китайском обществах идеология и патриархатные модели поведения.

Ключевые слова: патриархатное общество, гендерное равноправие, гегемонная маскулинность, мужские качества, модели маскулинности, гипермаскулинность, кризис маскулинности, гендерные стереотипы, конфуцианская модель поведения junzi

Для цитирования: Латинов Г. И., Беликова М. В. Самоощущение и социальное самочувствие мужчин в современных российском и китайском обществах: трансформация стандартов маскулинности // *Женщина в российском обществе. 2022. Специальный выпуск. С. 27—41.*

Original article

SELF-CONSCIOUSNESS AND SOCIAL SELF-ESTABLISHMENT OF MEN IN MODERN RUSSIAN AND CHINESE SOCIETIES: TRANSFORMATION OF MASCULINITY STANDARDS

Garold I. Latinov¹, Marina V. Belikova²

¹ Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Capital Normal University, Beijing, People's Republic of China, garold@bk.ru

² Institute of Socio-Economic Studies of Population, Moscow, Russian Federation,
beladm09@mail.ru

Abstract. Russian and Chinese societies are undoubtedly experiencing social and gender transformation today. At the same moment they are still preserving (each in its own manner) patriarchal attitudes and principles of the organization of social life. Changes and uncertainty about new reality can cause a deep internal conflict (deformation of self-esteem and self-worth) to some men. The roots of the conflict are to be found in the contradiction between the expectations of stereotypical manifestations of the masculine ideal from men on the one hand, and demand for gender variability on the other. The consequences of such experience are very individual, but there are also general trends: the demonstration of hypermasculinity as a way of asserting one's masculinity, complete submission to the demands and expectations of society, or the formation of new variants of masculinity based on the "androgynous principle" of combining characteristics of different gender roles. The gender changes considered here turn out to be related to political, socio-cultural and economic processes. Manifestations of various models of masculinity are noticeable in a wide variety of fields, e. g. education, art, fashion, diplomacy. The authors of the article, relying on scientific, historical, sociological sources, as well as reference literature and factual material, attempt to draw conclusions about how patriarchal behavioral patterns and ideology are transformed in modern Russian and Chinese societies.

Key words: patriarchal society, gender equality, hegemonic masculinity, masculine qualities, masculinity models, hypermasculinity, masculinity crisis, gender stereotypes, Confucian junzi behavior model

For citation: Latinov, G. I., Belikova, M. V. (2022) Samooshchushchenie i sotsial'noe samochuvstvie muzhchin v sovremennykh rossiiskom i kitaiskom obshchestvakh: transformatsiia standartov maskulinnosti [Self-consciousness and social self-establishment of men in modern Russian and Chinese societies: transformation of masculinity standards], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, Spetsial'nyĭ vypusk, pp. 27—41.

Введение

Большая часть трудов по гендерной проблематике традиционно освещает вопросы защиты и отстаивания прав и свобод женщин. Тем более это «оправдано» для общества, которое не спешит в реальном формате всемерно уравнивать и легитимировать это равенство в правах представителей обоих полов. В России и Китае, несмотря на значительное продвижение общества и государства навстречу гендерному равноправию, в той или иной мере продолжают господствовать принципы и установки традиционной гендерной идеологии, закрепляющие

верховенство мужчины и женскую субординацию. Однако такое положение вещей не устраивает, как ни странно, обе стороны гендерного конфликта из-за препятствий гармоничному личностному развитию как женщин, так и мужчин. Для ученых однозначным является вывод о том, что деформация социального самочувствия и самоощущения мужчин существенно осложняет утверждение равноправного положения и женщин, порождая гендерно-ролевые конфликты. В связи с этим в статье предпринимается попытка проанализировать трудности, с которыми в переживающем сегодня трансформацию патриархатном обществе сталкиваются мужчины, чьё положение уже много веков устойчиво трактуется как положение «победившей», господствующей стороны. Как преодолевают современные мужчины внутренний конфликт, связанный с противоречивыми и даже взаимоисключающими запросами общества одновременно на традиционные проявления идеала маскулинности и распространение многовариантности гендерных моделей поведения? Уживаются ли в сознании современных мужчин обновлённые социально-культурные и гендерные установки, допускающие разнообразные возможности самовыражения?

Обозначенным аспектам данной проблематики посвящено большое количество исследований (Р. Коннел, Р. Брэннан, Э. Гидденс, Л. Чжоу, Д. Хирд, Я. Чжунцю, И. Кон, И. Тартаковская, Е. Здравомыслова, А. Темкина и др.). Новизна авторского научного подхода определяется их рассмотрением на примере двух общественных систем — России и Китая, при этом учитывается, что в обоих государствах существуют специфические стороны гендерного равноправия/неравноправия и представлений о маскулинности. Поскольку именно Интернет стал для китайского общества центром пересечения научного, общественного и политического дискурсов рассматриваемого вопроса, относящиеся к его описанию источники для облегчения их поиска по возможности представлены ссылками на онлайн-ресурсы.

Идеалы мужественности в культуре России. Кризис маскулинности в современном российском обществе

Канонические представления о мужественности в русской культуре основаны, в первую очередь, на противопоставлении всему женственному, что нашло отражение у В. И. Даля (кон. XIX века): «**Мужество** ср. состояніе мужа, мужчины, мужскаго рода или пола вообще, противоп. женство. || Стойкость въ бѣдѣ, борьбѣ, духовная крѣпость, доблѣсть; храбрость, отвага, спокойная смелость въ бою и опасностяхъ: терпеніе и постоянство. **мужественный**, о духъ: доблѣстный, стойкій, крѣпкій, храбрый, отважный, спокойно-решительный. **мужественность** ж. мужество, не въ отвлеченномъ знач., а какъ свойство челоѣка. **Мужествовать**, стойко состязаться, подвизаться въ борьбѣ (телѣсной или духовной), стоять доблѣстно» [Даль, 1881: 363]. Однако в иерархии русской маскулинной идеологии на бытовом уровне в качестве «вершинного» утвердился собирательный образ носителя гегемонной маскулинности, для которого характерны позиция силы, агрессивность, эмоциональная «застенчивость» и сдержанность, демонстрация «истинно мужского» стиля жизни (неоправданный риск, вредные

привычки), пренебрежительное отношение к социально-культурным нормам поведения, демонстрация власти над женщиной и пр. [Кон, 2008]. Эта двойственность в трактовке стандартов мужественности поддерживалась и в советском обществе. С одной стороны, мужчина «советской селекции» был образцом благородства, силы, справедливости, настоящего мужества, немногословности, сдержанности, готовности к самопожертвованию и героическому поступку, а с другой — рабочие и крестьянские «корни» проявлялись в негласном утверждении патриархатной идеологии, «закрывающей глаза» на присутствие доминирующей маскулинности во многих сферах общественной жизни [Советский простой чел..., 1993]. Безусловно, во многом объяснение этому можно найти в сложных внешних условиях существования советского государства. Традиционно для русского государства Советскому Союзу нужны были защитники, обладающие качествами «настоящего мужчины». Их образы культивировались кинофильмами (Штирлиц из к/ф «Семнадцать мгновений весны», Иван Варавва из к/ф «Офицеры», Алёша Скворцов из к/ф «Баллада о солдате», Глеб Жеглов и Владимир Шарапов из к/ф «Место встречи изменить нельзя», Сухов и Верещагин из к/ф «Белое солнце пустыни» и др.) [Сидорова, 2021]. Мужественный образ поддерживался книгами («Живые и мёртвые» К. Симонова, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Василий Тёркин» А. Твардовского, «Судьба человека» М. Шолохова и др.) [Ажиев, Досмаханова, 2014], песнями («Песня о Родине» сл. В. Лебедева-Кумача, «Катюша» сл. М. Исаковского, «Вечер на рейде» сл. А. Чуркина и др.) [Шибанова, 2001] и плакатами. Но если не было противостояния внешним врагам, то агрессивность, воинственность, жесткость и прочие характеристики традиционной русской маскулинности находили проявление в повседневности. Следует отметить, что на современном этапе такое «радикально маскулинное», зачастую, гипертрофированное поведение «самца» (и в минимальной степени нежного мужа и отца) так или иначе свойственно сознанию и деятельности мужчин, либо занимающихся физическим трудом, либо живущих в сельской местности, либо маргиналов [Ваньке, Тартаковская, 2016; Здравосмылова, Тёмкина, 2007; Кон, 2008; Лежнина, 2013]. Следствием приверженности такому радикальному способу гендерного «самовыражения» часто становится преждевременная утрата физического и психического здоровья, а также уверенности в себе; состояние хронического стресса и развитие депрессии; разрушение семейных отношений; сокращение срока жизни (в среднем российские мужчины живут на 10 лет меньше женщин¹) и даже усиление склонности к совершению самоубийства (в России мужских самоубийств в 6,5 раз больше², чем женских, в том числе и потому, что для мужчины «социальная успешность» гораздо важнее, чем для женщины). Поскольку такое поведение является показателем мнимого маскулинного самоутверждения и не обеспечивает в полной мере «социальной успешности», то в современных

---

¹ Продолжительность жизни по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/prodolzhitelnost-zhizni/> (дата обращения: 20.04.2022).

² Suicide in the world: Global Health Estimates. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/326948/WHO-MSD-MER-19.3-eng.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).

социальных группах «портрет мужчины» постепенно дополняется новыми «штрихами» — характеристиками идеального мужчины, например: работа над привлекательной внешностью, сексуальной притягательностью, развитие интеллекта и рационального мышления [Лежнина, 2013]. Однако в обществе одновременно присутствуют различные идеалы «настоящего мужчины», помимо радикальной маскулинности есть иные варианты мужского поведения, в меньшей степени категоричного и «гендерно поляризованного». В истории русской маскулинности параллельно существовали такие модели маскулинности, как патриархальный крестьянин — мудрый и терпеливый труженик, философ, а также аристократ — дворянин, носитель принципов сословной чести, служения обществу [Здравосмылова, Тёмкина, 2002]. Е. А. Потехина в качестве противопоставления идеологии гегемонной маскулинности в современном российском обществе представляет такие модели гендерного самовыражения, как ретросексуал и метросексуал, видя в них «андрогинный принцип» сочетания характеристик разных гендерных ролей [Потехина, 2015]. Эти модели трудно назвать строгой альтернативой радикальной маскулинности. Ретросексуал в большей мере «наследует» характеристики брутального и гипермаскулинного поведения, при этом не в таких крайних проявлениях: ему присущи целеустремлённость, смелость, надёжность, ответственность, отсутствие проявлений нежности и чрезмерного внимания к своей внешности, доминирование над женщиной и, вместе с тем, охранительные функции по отношению к ней и детям. Метросексуальная культурная модель («потомок денди» в российском обществе на этапе культуры массового потребления) отличается скрытой формой агрессивности и эмоциональной холодности, сочетая в себе безграничный индивидуализм и заботу о своем внешнем виде, стремление к самосовершенствованию (у каждого в границах собственных представлений), утонченные манеры и эстетический вкус, желание много зарабатывать интеллектуальным трудом либо в сферах бизнеса или спорта [Остроух, 2006]. Представленные модели гендерного самовыражения наследуют некоторые характеристики западной гегемонной маскулинности и на современной российской почве в разном сочетании участвуют в формировании новых индивидуальных и коллективных вариантов мужественности. Например, успешного в политике или в бизнесе мужчины (любого возраста, как руководящегося правилами корпоративного кодекса, так и нарушающего правила любого уровня), идущего на риск ради материальной независимости, демонстрирующего своим внешним видом успешность; ответственного семьянина, охраняющего интересы жены и детей и готового заниматься любой деятельностью, приносящей доход в семью; продвинутого «IT-шника», чья мужественность не в брутальной внешности, а в избранности и причастности к недоступным для всех знаниям.

Процессы поиска собственной гендерной идентичности отталкиваются от осознания мужчиной самого себя, собственных потребностей и желаний. Внутренний дискомфорт может возникнуть в момент, когда окружающие будут посягать на свободу формирования и воплощения им мужской роли так, как он это себе представляет. Но к более глубокому психологическому кризису мужчину и, как следствие, гендерно-ролевым конфликтам подводят противоречивые (и даже,

порой, взаимоисключающие) требования со стороны общества: совмещение эмоциональной независимости с ожидаемым сочувствием; соревновательности, жесткости, целеустремленности с высоким уровнем эмпатии; «социальной успешности» с разделением семейных обязанностей; желанья доминировать с признанием равноправия женщины в принятии важных решений и пр. [Лунин, 2016; Сухушина и др., 2017].

Пунктирно обозначим мнение современных россиян по поводу качеств идеального мужчины. В 2012 году эти качества обозначались так³: на первом месте — физическая сила (по мнению 67 % мужчин и 53 % женщин), на втором — ум (35 % — мужчины, 32 % — женщины), на третьем — отсутствие вредных привычек (33 % — мужчины, 42 % — женщины), затем — уверенность в себе (29 % — мужчины, 19 % — женщины). В 2021 году⁴ среди самых ценных для мужчины качеств на первое место россияне поставили честность, искренность и прямоту (19 % россиян; 22 % мужчин); на второе место — надёжность, уверенность и постоянство (14 % россиян, 18 % для женщин и 8 % для мужчин); на третье место — порядочность и справедливость (9 % опрошенных). Кормильцем семьи должен быть мужчина, считают 65 % мужчин, заменить женщину в уходе за ребёнком и ведении домашнего хозяйства готовы 81 % российских мужчин (в 2017 году таких было 72 %⁵). Воплощением мужского идеала в начале 2021 года разные категории россиян называли президента В. В. Путина, министра иностранных дел Сергея Лаврова, актёров Василия Ланового и Константина Хабенского⁶.

Успешное выстраивание и реализация моделей маскулинности будут зависеть от пути, которым пойдёт российское общество в целом, какие сферы государственной и общественной жизни получают приоритетное развитие, а также от индивидуального жизненного опыта и здравого житейского смысла конкретного мужчины. Нетрадиционно для России современным мужчинам предлагаются реальные способы социальной самооценки и возможности для ее коррекции. Так, в декабре 2020 года прошёл первый образовательный фестиваль о мужчинах и маскулинности Moscow MaleFest⁷, девизом которого стала идея о том, что мужская сила заключена не в образе «мужика с дубиной», а в свободе выбора модели мужского поведения. В помощь мужчинам, которые пытаются преодолеть давление традиционной гендерной идеологии и выработать для себя

---

³ О чём мечтают россияне (размышления социологов): Аналитический доклад. М.: РАН, Институт социологии, 2012. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtaiut_rossiiane_8.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

⁴ О настоящих мужчинах (февраль 2021 г.) // ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nastojashchikh-muzhchinakh> (дата обращения: 10.02.2022).

⁵ Отец сегодня больше, чем отец? (апрель 2017 г.) // ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otecz-segodnia-bolshe-chem-otecz> (дата обращения: 10.02.2022).

⁶ О настоящих мужчинах (февраль 2021 г.) // ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nastojashchikh-muzhchinakh> (дата обращения: 10.02.2022).

⁷ MaleFest 2020: Прямая трансляция. URL: https://www.youtube.com/watch?v=YREQGM4p_g0 (дата обращения: 20.04.2022).

идеал новой мужественности, созданы специальные организации: Кризисный центр «Двоеочие» (г. Санкт-Петербург)⁸, Мужская группа психологической поддержки (г. Москва)⁹, Краевой кризисный центр для мужчин (г. Барнаул)¹⁰.

Стандарты мужественности в истории и культуре Китая

Несмотря на утвердившееся господство традиционных патриархатных ценностей, исторические корни сложившихся концептов маскулинности в России и Китае столь различны, что по ряду аспектов невозможно провести прямое сравнение. Сами понятия «гипермаскулинность», «гегемонная маскулинность», а также «кризис маскулинности» характеризуются разнокачественной содержательной наполненностью и внешними проявлениями. Объединяет то, что кризис маскулинности, как явление, присутствует сегодня в обеих культурах, чему немало свидетельств в научной и общественной жизни, основанных на общих проблемах в этой области.

Принципиально мы разделяем точку зрения, по которой историю современного Китая в целом, как и историю вопроса о маскулинности в его публичном дискурсивном пространстве, уместно отсчитывать с конца империи Цин и образования Китайской Республики в 1912 году. Именно тогда наметились контуры многих нынешних противоречий.

Долгие века в патриархатном китайском обществе стандарт маскулинности включал в себя требования, которым должен был соответствовать 君子, «благородный муж» — junzi. В современных условиях отсутствуют формальные препятствия к тому, чтобы применять этот термин в равной степени к мужчинам и женщинам. Однако сложившаяся за долгое время традиция, в которой интеллектуальная жизнь была ориентирована на мужчин, детерминирует то обстоятельство, что этот идеал по-прежнему адресован преимущественно мужчинам. Он предполагает обладание высокой нравственностью, образованностью и престижными профессиональными навыками.

После завершения Синьхайской революции в 1912 году реформист Лян Цичао (梁启超), несмотря на активное распространение модного в то время западного стиля жизни, сделал ставку на junzi как на основу усиления «характера нации»¹¹. Однако этот стиль не подтверждал «истинно мужской» стиль жизни носителей гегемонной маскулинности, как в русской культуре. В 1949 году, с приходом к власти коммунистов, в соответствии с идеями классовой борьбы, идеальную модель junzi стали рассматривать как вредный пережиток. И только после смерти Мао наметились предпосылки для возрождения некоторых элементов конфуцианской этики, в том числе — применительно к системе маскулинных ценностей. С начала 90-х годов прошлого века на фоне процессов

⁸ Первый кризисный центр для мужчин, пострадавших от насилия. URL: <https://centerformen.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

⁹ Кризисный центр помощи женщинам и детям. Мужская группа психологической поддержки. URL: <https://www.krizis-centr.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁰ Краевой кризисный центр для мужчин: Мы поддерживаем тех, на ком держится мир! URL: <http://www.criscentr.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

¹¹ 影响清华的演讲：梁启超的《君子》 URL: <https://www.tsinghua.edu.cn/info/1363/80989.htm> (accessed 19.04.2022).

«вхождения в море бизнеса» (xiahai 下海) и всплеска интереса к изучению национальных традиций (guoxuere 国学热), в употребление входит термин new junzi, свидетельствующий о новой интерпретации традиционных норм. В целом следует подчеркнуть, что в китайском обществе, в отличие от российского, нет той степени агрессивности в демонстрации гипермаскулинности.

Представляется необходимым отметить еще одно обстоятельство для объективного восприятия патриархатной идеологии Китая и места принципов junzi в трактовке личности. Ю Цюю (余秋雨), известный как автор сборника культурологических эссе Wenhua ku lü (文化苦旅, A bitter journey through culture) [余秋雨, 1992], строит свои рассуждения об идентичностях личности, включая гендерные, на основе идеи о том, что сам подход к определению личности различается в культурах Запада и Китая.

В своей более поздней работе Junzi zhi dao (君子之道, The Way of the Gentleman) исследователь говорит о том, что подобно тому, как «святой» и «джентльмен» стали примерами коллективной личности на Западе, junzi должен рассматриваться, как пример таковой в Китае [余秋雨, 2014: 8—9]. По его мнению, в этом случае речь идёт об архетипе, глубоко укоренённом в коллективном бессознательном народа и позволяющем проявиться преимуществам конфуцианской этики. Иными словами, он провозглашает junzi наивысшим путём развития личности в рамках китайской культуры, для которой junzi оказывается жизненно важным компонентом [余秋雨, 2014: 10].

Вслед за Ю Цюю, о junzi как об основе развития китайской нации пишет другой исследователь, Яо Чжунцю (姚中秋). В своей работе Meide; junzi; fengsu (美德. 君子. 风俗) он определяет его носителей преимущественно как людей с выдающимися моральными качествами, противопоставляя их в этом смысле «обычным людям» (xiaoren 小人), для которых они должны служить примером [姚中秋, 2012: 2]. В данной парадигме идеал современного «благородного мужа» вновь оказывается связан, с одной стороны, с идеями иерархии, а с другой — со служением на благо общества.

Сегодня под словом junzi понимается широкий спектр явлений, среди которых важно выделить самоидентификацию интеллектуальной и профессиональной элиты с общим дискурсом достижений «китайской нации», обращённым на тысячелетия в прошлое. Зримым воплощением этого процесса являются любовь к каллиграфии и к игре в Го [Moskowitz, 2013: 74]. Среди декларируемых ценностей на первый план выходит образованность. Образ уважаемого интеллектуала вызывает доверие со стороны социума. По данным опроса (China Youth Daily, 2012) [姚中秋, 2012: 103], 71 % респондентов считают, что идеалы junzi могут укрепить гражданскую мораль, а 87 % надеются, что их интеграция в образование будет усилена. Впрочем, сколь бы обширно ни было указанное понятие само по себе, оно может и должно рассматриваться в числе инструментов конструирования национальной идентичности в логике культурного национализма [Hird, 2017].

Полагаем, что нельзя рассматривать тему изменения эталонов маскулинности в Китае в отрыве от важнейших политико-экономических перемен, среди которых: информационно-культурное открытие Китая, его активное включение в глобальное пространство и стремительное экономическое развитие, адаптация внешней и внутренней политики к новым реалиям. Отметим, что для формирования объективной картины по данной теме, наряду с обращением к данным академических исследований [Zhou, 2012], мы обращаемся к анализу актуальных новостей из сферы массовой культуры, законодательства и жизни китайского Интернет-сообщества, как в переводном (в качестве примера см. статью под авторством J. McDonald¹² или статью, посвященную обеспокоенности китайского правительства изменением гендерных ролей¹³), так и в оригинальном виде¹⁴. В последнем случае особенно важен анализ используемой лексики, так как китайский язык чрезвычайно богат гендерными смыслами¹⁵.

Ретроспективный взгляд позволяет сделать вывод: маскулинный идеал исторически складывался в диадую мягкого и жёсткого начал, получивших воплощение в характеристиках wen (文) и wu (武). Первая относится к области гражданской жизни, указывая на достижения в науке и искусстве, а также на утонченность манер. Вторая же имеет отношение к военному мастерству и моральным качествам, ассоциированным с воинской доблестью. В Китае хорошо известен изысканный, андрогинный эталон мужской красоты и поведения, равно как и его героический, более суровый аналог. Наиболее полно эти качества раскрывались в стремлении мужчин к сочетанию в своем поведении лучших черт wen и wu (wenwushuangquan文武双全). Китайский кинематограф интенсивно эксплуатирует эту тему - примеры поэтов-воинов, наделённых такими характеристиками, хорошо известны мировой аудитории по фильмам Чжана Имоу (например, «Герой»), сериалу «Патриот Юэ Фэй» и др. Данной оппозицией, впрочем, вовсе не исчерпывается набор конкурирующих идеалов.

Революционные представления о стандартах мужественности кристаллизировались в коллективном портрете солдата Народно-освободительной армии Китая: высокий уровень физической, политической и профессиональной подготовки, позволяющий выполнять задачи защиты государства. Герои плакатов демонстрировали мускулистые руки и волевые лица, как на плакате Long live

¹² China bans men it sees as not masculine enough from TV. Joe McDonald. URL: <https://apnews.com/article/lifestyle-entertainment-business-religion-china-62dda0fc98601dd5afa3aa555a901b3f> (accessed 19.04.2022).

¹³ Zixu Wang, Xin Chen, Caroline Radnofsky. China proposes teaching masculinity to boys as state is alarmed by changing gender roles. 2021. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/china-proposes-teaching-masculinity-boys-state-alarmed-changing-gender-roles-n1258939> (accessed 19.04.2022).

¹⁴ 电视剧内容制作通则, 31.12.2015. URL: https://baike.baidu.com/reference/19428353/cбаср_Rz8BAw-iiHzLyPw3ljesfF_9fqJqZafVoyyEQOFsvvb2d38A3808i0-nZFH1dGSpFs8siyFhhIQPlcTR7LJOqR6Fqvd5xpiLB9lYx-YXaNeVXlu_swAntwHd9Q6vQ (accessed 19.04.2022).

¹⁵ Wing Bo Anna Tso. Masculine Hegemony and Resistance in Chinese Language. URL: <https://writingfrombelow.org/wp-content/uploads/2019/01/Masculine-Hegemony-and-Resistance-in-Chinese-Language.pdf> (accessed 19.04.2022).

the great Chinese People's Liberation Army!¹⁶. Их изображения, преимущественно выполненные в неоклассическом стиле, не предполагали никаких сексуальных коннотаций. Пуританский моральный код был неотъемлемой частью образа, который и сегодня формирует официальное медиапространство. Стоит заметить, что некоторые альтернативные интерпретации солдатского портрета существуют, в том числе в табуированном гомоэротическом контексте¹⁷, однако не оказывают какого-либо заметного влияния на китайское общество.

По-настоящему значимое влияние на взгляды огромного числа жителей КНР оказывают представители шоу-бизнеса. Их роль стабильно возрастала с интернетизацией социума; на сегодняшний день китайское веб-сообщество является крупнейшим в мире, объединяя свыше миллиарда пользователей¹⁸. В отличие от Коммунистической партии Китая, в этом случае нельзя вести речь о каких-либо программных установках, однако допустимо говорить про некие общие тренды. Культурный образ мужчин-знаменитостей часто связан с воспринятой из культуры К-поп эстетикой: андрогинный облик, стройная (но не атлетическая) фигура, милая мимика, качественный макияж и броский цвет волос. Популярностью такого тренда компания Alibaba объясняет обнаруженный в 2018 году в маркетинговом исследовании рост продаж мужской косметики более чем на 50 %¹⁹. Несомненный коммерческий успех многих исполнителей и блогеров закрепляет ассоциацию данных шаблонов мужской красоты с богатством, ориентация на достижение которого характерна для китайского общества последних трёх десятилетий.

Хотя экономическая и политическая стабильность этого же периода легли в фундамент относительной толерантности по отношению к различным моделям маскулинности, руководство КПК вовсе не отказалось от активного конструирования желаемого гендерного идеала. Данный подход справедлив и для внутренней политики эпохи Си Цзиньпина²⁰. Большой резонанс получил опубликованный в 2018 году государственным информационным агентством Синьхуа комментарий, заголовок которого можно перевести как «Покончить с поветрием женоподобности»²¹. В оригинале использован жаргонизм *niangpao* (娘炮), уязвляющий андрогинный облик с моральной слабостью и выражающий негативное отношение к изображенному выше образу знаменитостей. По словам автора, хотя эстетический полиморфизм совершенно нормален, в массовой культуре

¹⁶ Long live the great Chinese People's Liberation Army! URL: <https://chineseposters.net/posters/g2-51> (accessed 19.04.2022).

¹⁷ Musk Ming. Gallery. URL: <https://muskming.com/Gallery/artwork-2018-2019/> (accessed 19.04.2022).

¹⁸ Joseph Johnson. Countries with the highest number of internet users as of February 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/262966/number-of-internet-users-in-selected-countries/> (accessed 19.04.2022).

¹⁹ 天猫发布《颜值经济报告》：上海人最爱美，男士彩妆同比增速近90%。 URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/58331367> (accessed 19.04.2022).

²⁰ Steven Jiang. Under Xi's rule, what is China's image of the 'ideal' man? URL: <https://us.cnn.com/style/article/china-masculinity-intl-hnk/index.html> (accessed 19.04.2022).

²¹ 辛识平：“娘炮”之风当休矣。 URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-09/06/c_1123391309.htm (accessed 19.04.2022).

распространились погоня за траффиком и доходами, консьюмеризм и другие негативные тенденции, лишаящие её художественной ценности; частью этого процесса он называет и популярность *piangrao*.

Официальная компания по осуждению тенденции «феминизации юношества» была поддержана и рядом постановлений Министерства образования КНР, среди которых опубликованный в 2020 году ответ на Предложение № 4404 Третьего заседания 13-го Национального комитета НПКСК²². В основе предлагаемых в нём мер лежит усиление роли занятий физической культурой: они становятся обязательными вступительными испытаниями (свидетельства об окончании школы не выдаются, если не выполнены стандарты физической подготовки). Разъясняются обязанности правительства и административных органов образования полностью интегрировать школьное физическое воспитание в общую систему оценки школы.

Пропаганда идеала физически развитого мужчины, обладающего лидерскими навыками и сильной волей, влияет на общественную оценку конкретных публичных деятелей. Яркий пример этого — массовая симпатия китайских граждан к российскому президенту В. В. Путину²³. Его представление в СМИ как могущественного и подчёркнуто маскулинного «мачо» отчасти обуславливает повышенный интерес к нему в соцсетях и большое количество восторженных оценок. В них часто говорится о В. В. Путине не столько как о политике, сколько как о привлекательном мужчине. В рамках сложившегося стиля внешней политики КНР образ такого партнёра может оказаться востребован.

В качестве промежуточных выводов отметим: во-первых, в современном китайском обществе присутствует несколько моделей маскулинности, востребованных различными группами населения; во-вторых, между собой они могут вступать как в конкурирующие, так и в комплементарные отношения; в-третьих, в ближайшее время будет продолжаться дискуссия об отношении к различным моделям маскулинности и о роли государства в этой связи. Наряду с историческим наследием, как конфуцианским, так и революционным, не меньшее влияние на формирование современных гендерных стереотипов оказывают новые факторы: построение постиндустриального общества, достижение лидирующих позиций в мировой экономике, стремление сохранить культурную автономию.

Заключение

Таким образом, анализ упомянутых теоретических рассуждений и эмпирических данных позволяет констатировать, что социокультурные изменения в России и Китае, государствах с сохраняющимися патриархатными установками и трансформирующимися стереотипами маскулинности, уже не одно десятилетие сопровождаются кризисом маскулинности. Исследователи различных областей

---

²² 关于政协十三届全国委员会第三次会议第4404号（教育类410号）提案答复的函. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk_jyta/jyta_jiaoshisi/202101/t20210128_511584.html (accessed 19.04.2022).

²³ Waiyee Yip. China's latest 'manly' heartthrob? Russian President Vladimir Putin. URL: <https://www.insider.com/putin-role-model-of-masculinity-in-china-desired-women-2022-3> (accessed 19.04.2022).

знаний давно обозначили эту проблему, кропотливо изучая её причины и последствия. В научном сообществе, как и в обществе в целом, существуют принципиально разные взгляды по вопросу исследования социального самочувствия и самооощений мужчин в системах, сохраняющих патриархатные установки. Как в китайском, так и в российском обществе большая часть людей соглашается со сложившимся статус-кво, допускающим сосуществование разнообразных вариантов мужского самовыражения и моделей маскулинности. Вместе с тем следует сформулировать различия: китайская государственная власть, в отличие от российских органов управления, активно вмешивается в процессы гендерного воспитания, рассчитывая на то, что активная политика в этом направлении поможет разрешить накопившиеся социальные противоречия. В современной России приверженцев данной позиции немного, и для такой постановки вопроса практически нет оснований. В обеих общественных системах большое количество людей выступают за необходимость перемен, но если в Китае немалое количество людей выражают своё согласие или несогласие с шагами, предпринятыми официальными организациями (Министерством образования, Министерством культуры и туризма), то в России таких шагов на уровне государственной власти почти незаметно, недовольство вызывает именно этот факт. Полагаем, что ситуация неопределённого отношения власти и общества к обозначенному кризису, социальному самочувствию мужчины и к деформации мужской самооценки не может не вызывать опасений, поскольку, в итоге, это может грозить усугублением гендерного неравенства и ухудшением позиций женщин.

Список источников

- Ажиев К. О., Досмаханова Р. А.* Роль литературы о войне в нравственном воспитании // Молодой ученый. 2014. № 1.2 (60.2). С. 73—75. URL: <https://moluch.ru/archive/60/8902/> (дата обращения: 26.04.2022).
- Ваньке А. В., Тартаковская И. Н.* Трансформация маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. 2016. № 4. С. 136—153.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности / под ред. С. А. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432—451.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 2007. С. 96—137.
- Кон И. С.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 5—16.
- Лежнина Ю. П.* Трансформация гендерных ролей в современной России // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 165—176.
- Лунин А. А.* Кризисы маскулинности и причины трансформации образа мужчины // Молодой ученый. 2016. № 12. С. 772—776.
- Остроух И. Г.* Метросексуал — стиль жизни, форма самореализации и самосознание мужчины в постиндустриальном обществе // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 14—22.

- Потехина Е. А. Модель «мужчина нового типа — метросексуал» как альтернатива гегемонной маскулинности // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 4. С. 77—85.
- Сидорова Г. П. Мужские образы советского кино как культурные герои и «настоящие мужчины» (ретроспективный женский взгляд) // Вестник культурологии. 2021. № 2 (97). С. 113—130.
- Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 1990-х / отв. ред. Ю. Левада. М.: Мировой Океан, 1993. 300 с.
- Сухушина Е. В., Абрамова М. О., Рыкун А. Ю. Современные образы маскулинности // Вестник науки. 2017. № 4 (27). С. 168—180.
- Толковый словарь живого великорусского языка Вл. Даля: в 4 т. М.; СПб., 1881. Т. 2. 807 с.
- Шибанова Е. А. Стереотип маскулинности в советской и современной российской песне // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 3—6.
- Hird D. In League with Gentlemen: Junzi Masculinity and the Chinese Nation in Cultural Nationalist Discourses // *Asia Pacific Perspectives*. 2017. Vol. 15, no. 1. Pp. 14—35.
- Moskowitz M. L. Go Nation: Chinese Masculinities and the Game of Weiqi in China // Berkeley: University of California Press, 2013. 184 p.
- Tso W. B. Masculine Hegemony and Resistance in Chinese Language // *Writing from Below*. 2014, vol. 2, № 1. P. 1—15. URL: <https://writingfrombelow.org/death-and-the-maiden/masculine-hegemony-and-resistance-in-chinese-language/> (дата обращения: 19.04.2022).
- Zhou Lili. The Reconstruction of Masculinity in China, 1896—1930 // Sydney: University of Technology. 2012. 288 p.
- 姚中秋. 美德. 君子. 风俗-当代中国社科名家文库. — 杭州: 浙江大学出版. 2012. 316 p.
- 余秋雨. 文化苦旅 — 北京: 知识出版社. 1992. 321 p.
- 余秋雨. 君子之道 — 北京: 北京联合出版公司. 2014. 275 p.

References

- Azhiev, K. O., Dosmahanova R. A. (2014) Rol' literatury o voĭne v nraavstvennom vospitanii [The role of literature about the war in moral education], *Molodoĭ uchenyĭ*, no. 1.2 (60.2), pp. 73—75, available from <https://moluch.ru/archive/60/8902/> (accessed 26.04.2022).
- Hird D. (2017) In League with Gentlemen: Junzi Masculinity and the Chinese Nation in Cultural Nationalist Discourses, *Asia Pacific Perspectives*, vol. 15, no. 1, pp. 14—35.
- Kon, I. S. (2008) Gegemonnaja maskulinnost' kak faktor muzhskogo (ne)zdorov'ja [Hegemonic masculinity as a factor in male (un)health], *Sociologiya: teoriia, metody, marketing*, no. 4, pp. 5—16.
- Levada, Ju. (ed.) *Sovetskiiĭ prostoiĭ chelovek: Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 1990-kh* [Soviet Ordinary Man: The Experience of a Social Portrait at the Turn of the 1990s], Moscow: Mirovoi Okean, 1993, p. 300.
- Lezhnina, Iu. P. (2013) Transformatsiia gendernykh roleĭ v sovremennoi Rossii [Transformation of Gender Roles in Modern Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 165—176.
- Lunin, A. A. (2016) Krizisy maskulinnosti i prichiny transformatsii obraza muzhchiny [Crises of masculinity and the reasons for the transformation of the image of a man], *Molodoĭ uchenyĭ*, no. 12, pp. 772—776.

- Moskowitz, M. L. (2013) *Go Nation: Chinese Masculinities and the Game of Weiqi in China*, Berkeley: University of California Press, p. 184.
- Ostrouh, I. G. (2006) Metroseksual — stil' zhizni, forma samorealizatsii i samosoznanie muzhchiny v postindustrial'nom obshchestve [Metrosexual — a lifestyle, a form of self-realization and self-awareness of a man in a post-industrial society], *Étnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 14—22.
- Potehina, E. A. (2015) Model' «muzhchina novogo tipa — metroseksual» kak al'ternativa gegemonnoi maskulinosti [The “new type of man — metrosexual” model as an alternative to hegemonic masculinity], *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, no. 4, pp. 77—85.
- Shibanova, E. A. (2001) Stereotip maskulinosti v sovetskoï i sovremennoï rossiïskoï pesne [The stereotype of masculinity in Soviet and contemporary Russian song], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 3—6.
- Sidorova, G. P. (2021) Muzhskie obrazy sovetskogo kino kak kul'turnye geroi i «nastoiashchie muzhchiny» (retrospektivnyi zhenskii vzgliad) [Male images of Soviet cinema as cultural heroes and “real men” (a retrospective female view)], *Vestnik kul'turologii*, no. 2(97), pp. 113—130.
- Suhushina, E. V., Abramova, M. O., Rykun, A. Iu. (2017) Sovremennye obrazy maskulinosti [Contemporary images of masculinity], *Vestnik nauki*, no. 4 (27), pp. 168—180.
- Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka VI. Dalia (1881) [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language VI. Dahl], in 4 vol., vol. 2. Moscow, St. Petersburg, p. 807.
- Tso, W. B. (2014) Masculine Hegemony and Resistance in Chinese Language, *Writing from Below*, vol. 2, no. 1, pp. 1—15, available from <https://writingfrombelow.org/death-and-the-maiden/masculine-hegemony-and-resistance-in-chinese-language/> (accessed 19.04.2022).
- Van'ke, A. V., Tartakovskaia, I. N. (2016) Transformaciia maskulinosti rossiïskih rabochikh v kontekste sotsial'noi mobil'nosti [Transformation of the Masculinity of Russian Workers in the Context of Social Mobility], *Mir Rossii*, no. 4, pp. 136—153.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (eds.) (2007) *Sovetskii étakraticeskii gendernyi poriadok* [Soviet Etacritic Gender Order], *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podhod*, St. Petersburg: Izd-vo Evropeïskogo un-ta v Sankt-Peterburge, pp. 96—137.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2002) Ushakin, S. A. (ed.) *Krizis maskulinosti v pozdnesovetskom diskurse* [The Crisis of Masculinity in Late Soviet Discourse], *O muzhe(N)stvennosti*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 432—451.
- Zhou, Lili (2012) *The Reconstruction of Masculinity in China, 1896—1930*, Sydney: University of Technology, p. 288.
- 姚中秋 (2012) 美德·君子·风俗·当代中国社科名家文库。— 杭州:浙江大学出版, p. 316.
- 余秋雨 (1992) 文化苦旅 — 北京: 知识出版社, p. 321.
- 余秋雨 (2014) 君子之道 — 北京: 北京联合出版公司, p. 275.

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 10.05.2022.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 10.05.2022.

*Г. И. Латинов, М. В. Беликова. Самоощущение и социальное самочувствие мужчин
в современных российском и китайском обществах*

Информация об авторах / Information about the authors

Латинов Гарольд Игоревич — аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия; Столичный педагогический университет, г. Пекин, КНР, garold@bk.ru (Postgraduate Student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation; Capital Normal University, Beijing, People's Republic of China, China).

Беликова Марина Васильевна — кандидат культурологии, доцент, ст. научн.сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, beladm09@mail.ru (Candidate of Culturology, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Moscow, Russian Federation).